

СОДЕРЖАНИЕ

Екатерина II. Государыня, создавшая новую Россию	5
Ксения Петербургская. Тихий свет Санкт-Петербурга	19
Авдотья Истомина. Танец длиной в жизнь	33
Надежда Стасова. Легенда Бестужевских курсов	47
Мария Александровна. Благочестивая и милосердная	63
Елизавета Бём. Художница, создавшая язык силуэта	77
Софья Ковалевская. Путь в науку наперекор запретам	91
Мария Савина. Актриса, опередившая свое время	105
Вера Комиссаржевская. Прима начала модерна	119

Матильда Кшесинская. Звезда трех эпох.....	133
Александра Коллонтай. Первая женщина-нарком.....	149
Тамара Карсавина. Эталон стиля и хранительница русской балетной школы.....	165
Анна Ахматова. Трагический голос XX века.....	179
Лидия Чуковская. Несказочная жизнь дочери сказочника.....	195
Галина Уланова. Скромный гений танца.....	209
Ольга Берггольц. Блокадная муза	225

ЕКАТЕРИНА II

ГОСУДАРЫНЯ, СОЗДАВШАЯ НОВУЮ РОССИЮ

Когда гости столицы поднимают глаза на строгий фронтон Академии художеств или проходят мимо величественных корпусов Смольного, они редко вспоминают, что всем этим Петербург обязан той, которая родилась в немецком Штеттине. Екатерина II пришла к власти в стране, к которой поначалу принадлежала только по браку, но сделала правление делом своей жизни. Современников поражало, сколько энергии, твердой воли и государственного расчета сочеталось в этой женщине на троне.

От Штеттина к трону

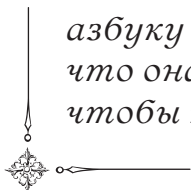
В XVIII веке в небольшом померанском Штеттине у прусского офицера родилась дочь. Ничто, даже древность рода, не предвещало, что этой девочке суждено будет взойти на престол огромной империи. Но здесь в 1729 году появилась на свет принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, по-домашнему Фике. Семья ее жила небогато: отец, Кристиан Август, больше времени уделял полку, чем детям; мать, Иоганна Елизавета, была куда деятельнее и всеми силами старалась поправить положение дома с помощью выгодных связей. София

росла смышленной и любознательной, рано потянулась к книгам. Позже она признавалась, что чтение стало ее первой школой политики.

Осенью 1743 года императрица Елизавета Петровна озаботилась поиском невесты для своего племянника, великого князя Петра Фёдоровича. Рассмотрев нескольких немецких принцесс, остановили выбор на Софии. Она подходила по всем статьям: знатного рода, хорошего воспитания, здорова и, что было особенно важно, за ней не стояло могущественного иностранного двора. В январе 1744 года семья получила долгожданное приглашение, и София отправилась в Россию — страну, которую до сих пор знала лишь по книжным описаниям.

Город встретил юную принцессу не радостью, а официальными церемониями и колючим, настороженным любопытством. Она быстро поняла, что жизнь при дворе — это непрерывное испытание на стойкость и искусство понимать скрытые мысли людей. Приняв православие, София стала Екатериной Алексеевной. Ее супруг, великий князь Пётр, не проявлял к ней ни малейшего интереса. В эти долгие годы одиночества и унижений ее тихим убежищем стал Летний сад. Там, в тенистых аллеях, среди беломраморных богов и героев, она могла на время укрыться от глаз придворных, обдумать свое положение и почитать.

Когда юная София-Фредерика приехала в Россию, она первые недели не показывалась на людях: учила русский и переписывала азбуку снова и снова. Фрейлины вспоминали, что она старалась выучить молитвы так, чтобы произносить их без подсказок.

В этот трудный период Екатерина по крупицам начала собирать свой круг людей, которые в будущем станут ее опорой. Одними из первых оказались Воронцовы. Государственный канцлер Михаил Илларионович относился к супруге наследника с необычным для двора уважением, разглядев в юной женщине острый ум и серьезность. Его племянник Роман, фаворит императрицы Елизаветы, не раз помогал ей, смягчая недоброжелательные настроения в высшем свете. Чуть позже в ее жизни появился Сергей Салтыков — человек, который стал и первым фаворитом, и тем, кто помог ей обрести уверенность в собственной женской и политической силе.

Так, в холодной, чопорной атмосфере петербургского двора, между церемониями в Зимнем дворце

Зимний дворец, вид с Дворцовой площади,
Санкт-Петербург

и уединенными прогулками по садам, закалялось главное качество будущей самодержицы: умение выживать на чужбине и превращать случайные знакомства в прочные союзы, а враждебную среду — в поле для будущей великой игры. Петербург, сперва казавшийся ледяной крепостью, постепенно становился для нее школой, где она постигала высшую науку власти.

Год, когда все решилось

Взойдя на престол в 1762 году в результате дворцового переворота, Екатерина уже твердо знала, с кем и о чем она будет говорить, думая о будущем России. Еще в годы тягостного заточения при дворе, скрываясь от посторонних глаз в своих покоях, она жадно читала Монтескье и Вольтера, испещряя поля книг пометками. Она научилась видеть во власти не прихоть монарха, а сложный механизм, который можно изучать и совершенствовать. Позже она признавалась, что труды французских философов стали для нее духовной опорой и помогли пережить самое трудное время.

Столица империи, холодный и строгий Петербург, стала для Екатерины резиденцией и интеллектуальным центром, откуда она вела диалог со всем просвещенным миром. Из

В первые годы при дворе Екатерина создавала свой круг влияния едва заметно. Она устраивала небольшие вечера для «людей дела»: офицеров, переводчиков, молодых чиновников. Так она училась понимать российскую политику изнутри.

своего кабинета в Зимнем дворце она начала знаменитую переписку с Вольтером, которая продлилась около пятнадцати лет. «Звезда Севера», «Семирамида России» — так почтительно обращался к ней философ. Екатерина же отвечала ему на равных: делилась планами, спорила, просила смягчить в европейской печати критику растущего могущества России.

Совсем иначе сложились отношения с Дени Дидро. Узнав, что философ разорен, Екатерина выкупила его личную библиотеку, оставив книги в его распоряжении и назначив щедрую пенсию «библиотекарю ее величества». Этот благородный жест фактически спас Дидро, но и приобрел для императрицы в Париже проницательного советника и агента по поиску книг и произведений искусства для стремительно растущих коллекций.

В 1773 году Дидро лично приехал в Россию и провел несколько месяцев в беседах с императрицей в стенах Эрмитажа. Он с жаром доказывал необходимость отмены крепостного права и радикальных преобразований, рисуя идеальные схемы общества. Екатерина внимательно слушала, задавала вопросы, но в итоге честно признавалась, что не может позволить себе разрушить подлинное ради прекрасных, но опасных теорий будущего.

Фридрих Мельхиор Гримм стал ее негласным «министром пропаганды» в Европе. В своем рукописном журнале «Литературная корреспонденция», которую читала вся высокообразованная элита, он тщательно создавал образ Екатерины как идеальной просвещенной государыни — покровительницы наук и искусств. И тоже был ее доверенным агентом: высматривал в парижских салонах коллекции картин для Эрмитажа, подбирал архитекторов для петербургскихстроек и предупреждал о настроениях при иностранных дворах.

Так, через личную переписку, покровительство философам и тонкую работу с общественным мнением, которые координировались из самого сердца Петербурга, Екатерина, по сути, конструировала новый образ России. Петербург при ней связал Россию с интеллектуальной Европой.

Петербург как проект

Для Екатерины Петербург был огромной лабораторией, где можно было опробовать новые законы, воспитать новое поколение подданных и отлить в граните образ просвещенной империи. Если Петр I возводил город под давлением военной необходимости, то Екатерина II методично придавала ему цельность и благородную строгость, как драгоценной оправе.

Она сама стала главным архитектором столицы. На ее глазах деревянные трущобы уступали место строгим каменным набережным, кривые переулки распрямлялись в четкие проспекты, а болотистые окрестности превращались в утонченные пригороды — Царское Село, Павловск, Ораниенбаум. От своих зодчих — Валлена-Деламота, Камерона, Старова, которые получили от императрицы блестящий шанс, она требовала мастерства и безупречной гармонии.

После восшествия на престол Екатерина II вела личные записи, хотя и осторожно. В ее альбомах встречаются короткие пометки: «устала от пустых слов», «не верить обещаниям», «держат ровный темп». Это был ее собственный способ не терять контроль над ситуацией при дворе.

После пожара 1762 года она лично курировала восстановление Зимнего дворца, сделав его символом стабильности новой власти. Рядом на набережной по ее воле вырос ансамбль Малого Эрмитажа, хранилища произведений искусства и светского салона для избранных. Сюда, в эти новые залы с видом на Неву, из Европы прибывали целые коллекции. Картины Рембрандта, скульптуры, гобелены — все это было для Екатерины не личной прихотью, а государственным делом, частью престижа державы. А в теплые месяцы ее жизнь перемещалась в Царское Село. Английский парк с его павильонами, Чесменская колонна и Камеронова галерея были и местами отдыха, и идеальным воплощением эстетических представлений просвещенной правительницы и лиричной натуры с тонким вкусом.

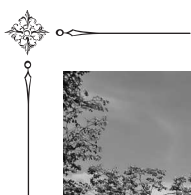
С огромной практической энергией она бралась и за образование. Академия художеств на Васильевском острове при ней обрела твердое финансовое основание и строгий устав, превратившись в кузницу национальных талантов. На месте Смольного двора, места, где при Петре I хранили смолу для Адмиралтейской верфи и флота, вырос роскошный институт для благородных де-

Малый Эрмитаж,
Санкт-Петербург

виц — первое в Европе государственное учебное заведение такого рода. По воле императрицы открывались новые кадетские корпуса, где из юношей готовили не просто военных, а мыслящих людей. Через эти учреждения, через их уставы и учебники она формировала новый тип подданного — преданного государю и отечеству, образованного и служащего не по принуждению, а по долгу чести.

Так, камень за камнем, указ за указом, Екатерина создавала свой вариант Петербурга как идеального центра империи.

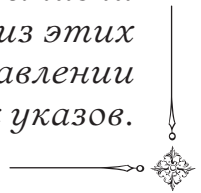
Смольный институт,
Санкт-Петербург

Личная опора и политическая сила

В истории Екатерины фавориты — особая глава. Милые ее сердцу люди были подлинными государственными мужами, чьими руками ковалось величие империи. Ни Алексея Орлова, ни Григория Потёмкина нельзя назвать только любимцами фортуны. Их сила была в уме, воле и готовности брать на себя самую тяжелую ответственность там, где другие отступали.

Алексей Орлов вошел в судьбу Екатерины в самый решительный период — в дни подготовки переворота 1762 года. Он был той самой пружиной, что привела механизм в движение, человеком действия, не знавшим сомнений. Его слава прогремела на всю Россию после блистательной Чесменской победы. Петербург стал свидетелем его триумфа. Когда эскадра с трофейными турецкими знаменами вошла в Неву, а на Адмиралтейской верфи гремели в его честь салюты, Орлов превратился в национального героя. Даже его страсть к кулачным боям была частью этого цельного, народного характера. Екатерина ему доверяла.

После поездки в Новороссию она стала собирать отдельные папки о новых землях: карты, заметки о народах, выписки из донесений. Позже многие из этих материалов использовали при составлении государственных указов.

С Григорием Потёмкиным все было иначе, пожалуй, глубже. Для него были важны не баталии, а новые территории. Он был одержим югом: мечтал о теплых морях, новых го-

родах, виноградниках на месте Дикого поля. Его проекты — Новороссия, Крым, черноморские верфи — казались современникам безумием. Но Екатерина разглядела в этом «безумии» гениальный размах. Их знаменитая переписка — смесь страстных признаний и сухих отчетов о закладке крепостей — велась за тысячи верст.

Потёмкин привозил ко двору талантливых архитекторов вроде Кваренги, задавал моду на роскошь, а в своих письмах из южной степи убеждал императрицу, что завоевания важны не сами по себе, а ради развития этих территорий.

Близость с такими людьми не расслабляла Екатерину — она давала ей крылья. Орлов и Потёмкин стали двумя опорами ее правления: один олицетворял грубую и могучую силу, завоевавшую ей трон и моря; другой — безудержную творческую волю, строившую новую страну.

Порядок как инструмент власти

Екатерина твердо верила, что порядок в огромной стране начинается с бумаг — с ясных, продуманных правил. Ее правление с первых лет превратилось в нескончаемый поток реформ, призванных превратить империю в отлаженный механизм.

Сама императрица была главным инженером этой системы. Ее рабочий день начинался на рассвете в покоях Зимнего. Современников поражала ее солдатская дисциплина: она вставала в шесть, сама растапливала камин, чтобы не будить слуг, и до девяти утра в тишине работала с бумагами — диктовала письма, правила указы, читала донесения из самых отдаленных губерний. Даже ее небольшие привычки — складные ножницы для вскрытия конвертов, лю-

бовь к крепкому чаю, который подавали в кабинет ровно в десять, — вписывались в строгий распорядок. После обеда она часто отправлялась в длительную прогулку, и маршруты ее были неслучайны. Она могла пройти по набережной Васильевского острова, наблюдая, как строятся гранитные парапеты, или заехать в Царское Село, где среди парковых пейзажей обдумывала государственные планы. Эти прогулки были для нее не отдыхом, а продолжением работы, возможностью увидеть страну будущего в камне и зелени ее любимого города.

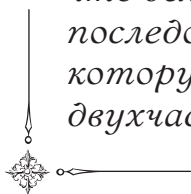
Ее первой большой реформой стало преобразование Сената — некогда могущественного органа, превратившегося к тому времени в неповоротливый чиновничий исполн с путаными полномочиями. Она разделила его на департаменты, дав каждому свой круг задач.

Самой амбициозной попыткой стала Уложенная комиссия 1767 года. Для нее Екатерина собственноручно написала «Наказ» — философский трактат, вдохновленный идеями Монтескье и Беккариа. Комиссия, заседавшая в Грановитой палате, в итоге не создала нового свода законов — сословные противоречия оказались непреодолимы. Но сам факт ее созыва был революционен: впервые за одним столом для обсуждения законов собрались дворяне, купцы, казаки и государственные крестьяне. Петербург на несколько лет стал центром беспрецедентного общественного диалога, задуманного сверху.

Урок, преподанный пугачевским восстанием, был суров: центр катастрофически плохо знал, что творится на местах. Ответом стала губернская реформа 1775 года. Губернии были поделены, уменьшены, а полномочия губернаторов прописаны до мелочей. Карты новой России, испещренные границами обновленных губерний, ложились на ее стол в Петербурге.

Екатерина постоянно училась, вела дневники, писала пьесы и политические памфлеты под псевдонимами. Ее царствование было ежедневной кропотливой работой. Петербург стал мозгом империи, а распорядок дня императрицы — ритмом, в котором работала государственная машина.

В последние годы правления Екатерины сподвижники особенно ценили ее умение быстро принимать решения и сохранять ясность мысли. Она уверенно вела переписку с губернаторами, занималась университетскими проектами и полагала, что дела доставляют радость, когда идут последовательно. Единственной поблажкой, которую она позволяла себе в старости, был двухчасовой послеобеденный сон.

Созидательная энергия власти

Когда Екатерина начала скупать в Европе целые коллекции живописи, многие восприняли это как обычную прихоть богатой правительницы. Однако скоро стало понятно: императрица затеяла нечто большее. На западных аукционах даже шутили, что цены на искусство взлетели оттого, что на торги вышла русская императрица.

Но для Екатерины это была не забава, а тонкая политика. Зимний дворец постепенно превращался из парадной резиденции в храм муз. Екатерина лично следила за тем, как размещали картины в только что отстроенных залах Малого Эрмитажа: требовала составлять научные каталоги,